

Ульрих Шмид: швейцарский летописец современной России | Ulrich Schmid: the Swiss chronicler of contemporary Russia

Author: Андрей Федорченко, [Санкт-Галлен](#) , 27.02.2013.

Ульрих Шмид (© A.Fedorchenko/Nasha Gazeta.ch)

Наш сегодняшний гость - профессор кафедры российской культуры и общества Санкт-Галленского университета, известный журналист и один из лучших знатоков

постсоветской России в немецкоязычной части Европы.

Our guest today is a famous journalist and professor of the Russian culture at the University of St.Gallen. He is also one of the best specialists of the Post-Soviet Russia in the German-speaking part of Switzerland.

Ulrich Schmid: the Swiss chronicler of contemporary Russia

«Нет худа без добра», - так говорят, если нечто хорошее случается благодаря чему-то скверному. Однако для науки славистики, пережившей в XX веке два пика своего расцвета, эта поговорка справедлива ровно на 50%. Я имею в виду «холодную войну», нуждавшуюся в солдатах иного профиля, а именно - в знатоках потенциального противника. В славистах. Можно сказать, что не генералы и политики, а мирные исследователи «толстого-достоевского-чехова», семантики с топонимиками и социолингвистами etc, - сокрушили на университетских кафедрах грозный Варшавский пакт и разрушили неприступную Берлинскую стену. Додумайся победители учредить орден «За победу в холодной войне», первыми кавалерами стали бы именно слависты.

А вот второй пик расцвета поговорке не соответствует, ибо пришелся на время горбачевской перестройки. Окруженный «железным занавесом» Советский Союз вдруг решил открыться миру, и на волне эйфории от Glasnost вновь оказался в фокусе мирового внимания.

Именно тогда в числе молодых западных интеллектуалов, пожелавших стать летописцами стремительно меняющейся советской истории, оказался и студент-славист Ульрих Шмид. Ныне Шмид - профессор кафедры российской культуры и общества Санкт-Галленского университета, известный журналист и вообще, один из лучших знатоков постсоветской России в немецкоязычной части Европы. В «холодную войну» Ульриха Шмида наверняка записали бы в так называемые «советологи». Сегодня ситуация иная, и с его острыми анализами современного российского общества стоило бы познакомиться как политикам, так и чиновникам от культуры. Тем более, что работы Ульриха Шмида регулярно публикуются в России.

Читать его и беседовать с ним необычайно интересно даже не специалисту, поскольку Шмид, как профессиональный журналист, виртуозно владеет языком публицистики и умеет рассказывать доступно о самом сложном. Сфера его «российских» интересов широка и актуальна. Например, он первым откликнулся рецензией в Neue Zürcher Zeitung на немецкое издание романа леворадикального писателя Захара Прилепина «Санька». На моей памяти, - это первый в Швейцарии публичный анализ творчества современного российского автора-националиста.

Обо всем этом мы и побеседовали со швейцарским «Нестором» современной России.

Наша Газета.ch: Вы являетесь заведующим кафедрой общества и культуры России в университете Санкт-Галлена. Звучит необычно, не так ли?

Ульрих Шмид: Верно, но наш

университет – экономический. Это означает, что я преподаю русскую культуру студентам, изучающим экономику, право и политологию. Кроме русистики у нас есть соответствующие кафедры по Китаю, Франции, Германии, Англии, США и Испании. Мы считаем, что экономику нельзя изучать исключительно под техническим углом зрения. Она всегда обуславливается культурными критериями. Приведу банальный, но очень хороший пример: в 1990-ых годах первые швейцарские банки, открывая филиалы в Китае, вели переговоры с местными бизнесменами. Те соглашались со всеми предложениями швейцарцев, но когда последние послали им контракты, китайцы отказались их подписывать. А все потому, что в китайском контексте сказать «нет» - невежливо.

То же и с русским рынком: многое в нем функционирует иначе, чем на Западе. Я часто ставлю перед своими студентами актуальную проблему вроде «дела Pussy Riot» и объясняю, почему религия играет такую важную роль в российском обществе...

В других университетах Швейцарии славистика носит более академический характер?

Почему же? Коллеги, преподающие на традиционных славянских семинарах, тоже учитывают актуальность. Например, в Цюрихе есть проект по судебным делам в области искусства: «Осторожно, религия!», «Запретное искусство» Андрея Ерофеева и т.д. Во Фрибурге интересуются репрезентацией мафии в русской культуре...

Что касается меня, то я, в основном, уделяю внимание актуальной культуре. Просто читать студентам Пушкина не смог бы. Хотя, когда я объясняю, что такое русский неоимпериализм, то цитирую его «Кавказского пленника», где звучит интернальная

нота этой проблемы.

В работе «Конституция как прием» Вы подвергли политические документы... литературоведческому анализу. Они действительно его достойны?

Я просто шел по следам профессора Юрия Лотмана, который говорил, что любая культура может быть прочитана как текст. Конечно, конституция является явлением культуры, более того, она описывает самопонимание государства и даже общества. Поэтому мне показалось, что если я хочу провести периодизацию русского XX века, то намеки на нее можно найти в разных конституциях СССР и России. Меня особенно интересуют преамбулы этих конституций, поскольку они заключают в себе нарративы (рассказы), маленькие эпосы даже. В таких эпосах и заключено самопонимание эпохи.

Когда я объясняю, что такое русский неоимпериализм, то цитирую «Кавказского пленника» Пушкина, где звучит интернальная нота этой проблемы.

Это касается только советских/российских конституций?

Нет, конечно. Каждая нация, каждое государство, каждое общество живет своими мифами. То же самое можно сказать и о конституции швейцарской. У меня есть проект, где я исследую самую старую действующую конституцию в Европе – норвежскую 1814 года. В ней присутствие мифа выражено очень ярко.

Мифа викингов?

Нет, скорее мифа Наполеона. Я думаю, что европейские страны, включая Швейцарию, вряд ли стали бы демократическими без наполеоновской диктатуры. Отмечу очень интересный момент, присутствующий во всех демократиях: у истоков их конституций стоит совсем не демократический акт. Возьмите хотя бы московские события 1993 года, когда президент Ельцин расстреливал из танков Белый дом, пока депутаты российского парламента не согласились с его конституцией.

В сталинской конституции 1936 года пропасть между мифом и реальностью была чрезвычайно глубокой. Как в культовой тогда «Книге о вкусной и здоровой пище»...

Да, это действительно полная фантастика! В ней описываются рецепты блюд, которые были абсолютно недоступны рядовым гражданам. И в этой книге и в конституции была выражена претензия сталинской эпохи: да, возможно, мы живем хуже, чем на Западе, но зато наше общество является более справедливым.

В русской литературе XX века важное место занимает тема ГУЛАГа. Почему именно концепция А. Солженицына, а не В. Шаламова получила мировое признание? Ведь тексты Шаламова, мне кажется, и качеством лучше и градус трагедии в них выше.

Согласен, это парадокс и даже скандал. В 2007 г. я написал статью [«Почему не читали Шаламова?»](#) Лишь года два тому назад в Берлине издали его книги на немецком. Солженицын в 1970-е годы удачно вписался в европейское восприятие

ГУЛАГа. По Солженицыну ГУЛАГ – это знак преступности советского режима, который есть продолжение нацистского, только под другой маской. А Шаламов не вписался, ибо утверждал, что «это самое страшное, что может случиться с человеком», что из такого опыта, как опыт ГУЛАГа, ничего невозможно взять для опыта общечеловеческого. Такая точка зрения не была принята европейцами, особенно в контексте «холодной войны».

Я же думаю, что Шаламов имел претензию создать новую концепцию искусства. Он сказал вслед за Теодором Адорно, что «после Воркуты уже нельзя писать литературу». По Шаламову искусство и ГУЛАГ несовместимы. Он писал, что его тексты нельзя мерить ни эстетическими, ни моральными критериями. Поэтому западное общество не было готово тогда, да, пожалуй, и сегодня принять его концепцию. Солженицын же – и это очень важно – свой «Архипелаг ГУЛАГ» обозначил именно как опыт художественного исследования.

Шаламов имел претензию создать новую концепцию искусства. Он сказал вслед за Теодором Адорно, что «после Воркуты уже нельзя писать литературу». По Шаламову искусство и ГУЛАГ несовместимы.

Однако было бы ошибкой считать наследие Шаламова документальным свидетельством. Любопытно, что у него в 1970-е годы произошло заметное сближение с позицией советского правительства. По Шаламову, время критики ГУЛАГа прошло, и он даже опубликовал в журнале «Юность» несколько откровенно пропагандистских вещей. Этот поступок тогдашние европейские интеллектуалы не могли ни понять, ни принять.

Недавно в России произошли два события, на которые Запад отреагировал прямо противоположно. Если «Дело Pussy Riot» вызвало осуждение репрессий в отношении участниц панк-группы, то самоубийство в роттердамской тюрьме оппозиционера Александра Долматова после отказа голландских властей в предоставлении ему убежища не имело почти никакого резонанса. А ведь официальной причиной отказа было то, что Россия – страна демократическая. Так демократическая Россия, или...?

С Pussy Riot интересно то, что реакции России и Запада на их акцию резко разошлись. Думаю, что российские власти прекрасно осознавали, почему именно в этот момент участниц группы следовало сурово наказать. Около четырех лет назад та же Надежда Толоконникова была членом арт-группы «Война», организовавшей групповой секс в биологическом музее Москвы. И никакой реакции не было. А почему? Да российское общество возмутилось бы наказанием за такую «малость»! Другое дело оскорбление национальной святыни – православной церкви. Тут 70% процентов россиян поддержали суровый приговор. Российская власть имеет низкий рейтинг в Москве. Только 47% москвичей проголосовали за Путина. Поэтому приговор Pussy Riot – это удачный популистский ход российской власти.

Что касается Долматова, то мне кажется, что президент Путин и его команда внимательно следят за своим имиджем в мире. Если специалист, носитель государственных секретов, бежит от политических преследований за границу, – это серьезный удар по имиджу. Отсюда, по-моему, и многие домыслы вокруг его смерти.

Зато предоставление гражданства актеру Жерару Депардье, возможно, «повысило» имидж?..

Аферу Депардье можно сравнить со швейцарским паспортом певицы Тины Тернер. Да, она проживает в Швейцарии уже 20 лет и обратилась за гражданством вторично. В первый раз ей было отказано, ибо тогда она еще не говорила по-немецки. Во второй раз Тернер сдала экзамен и получила-таки паспорт. Это очень характерно для Швейцарии: неважно, кто ты – Тина Тернер или простой мигрант из Косово. Закон один для всех. Однако демократия не во всех случаях дает хороший результат. Яркий пример – вполне демократическое запрещение минаретов в Швейцарии, хотя политическая элита призывала граждан голосовать против запрета. Думаю, что политкорректность российской власти также в принципе выше политкорректности оппозиционеров вроде Алексея Навального, ярого националиста. Отношение к исламу, к национальным меньшинствам у правительства России гораздо лояльнее.

Нынешняя российская интеллигенция вновь раскололась на «либералов-западников» и «национал-патриотов». Запад мало знает вторых. И вдруг – издание на немецком языке романа леворадикального писателя-националиста З. Прилепина «Санька». Почему?

Прилепин – очень интересный феномен. Мне кажется, что с литературной точки зрения это очень хороший писатель, хотя с его идеологией я, конечно, не согласен. Но ведь то же самое можно сказать и про Достоевского: писатель великий, но – шовинист, империалист и антисемит. На Западе тоже хватает отличных писателей с чудовищной идеологией: К. Гамсун, Л.-Ф. Селин... Прилепин вполне может восприниматься на Западе как представитель поколения «разгневанных молодых людей» (по аналогии с английским литературным направлением 50-ых гг.), поскольку его тексты тесно связаны с общественно-политической ситуацией в России. В романе «Санька», например, Прилепин из неформальной перспективы описывает происходящее на вроде бы хорошо известных нам митингах.

Прилепин – очень интересный феномен. Мне кажется, что с литературной точки зрения это очень хороший писатель, хотя с его идеологией я, конечно, не согласен. Но ведь то же самое можно сказать и про Достоевского: писатель великий, но – шовинист, империалист и антисемит.

Интересны ли сейчас на Западе Владимир Сорокин и Виктор Пелевин?

Они действительно были популярны у нас в 1990-ые годы, но сейчас в русскую литературу пришло новое поколение писателей: Андрей Геласимов, Дмитрий Горчев, Андрей Иванов, например. И я уверен, что их гораздо больше. Проблема в том, что мы, к сожалению, не в состоянии прочитать все, что печатается в России.

Ульрих, что побудило Вас стать славистом?

Я родился в 1965 году, и когда я окончил гимназию, в СССР пришел к власти Михаил Горбачев. Мне уже тогда стало ясно, что в СССР происходит что-то историческое, совершается то, о чем через сто лет будут писать в учебниках. И я сказал себе: я должен свидетельствовать об этом времени. Вначале я хотел стать журналистом, писал о нашей местной политике в маленьких газетах. Но затем поступил на Славянский семинар Цюрихского университета и стал учить русский язык. Тогда на семинаре работала замечательный педагог Мария Александровна Банкул. Многие известные сегодня слависты прошли через ее руки. В 1990-91 гг. я стажировался в Москве и Ленинграде, и это было очень интересное время.

Приехать из сытой Швейцарии в Россию в такой трудный момент... помню полки

московских магазинов: там только хлеб, консервы из морской капусты и грузинский чай. Даже в «Березке» был бедный ассортимент, но и он мне, студенту, был не по карману. Однако я нисколько не жалею о том времени, ибо «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Я очень многому научился тогда. До сих пор Россия удивляет меня своей странностью. Она по сей день ищет свой путь, и я думаю, что процесс, начатый в 90-х годах, еще не завершился. Мы не можем сейчас сказать, что будет в России через пять лет.

Могла тогда Россия пойти европейским путем?

Моя вторая специальность – полонистика. После падения коммунизма в Польше было сразу ясно, что она «пойдет в Европу», поскольку имела уже некоторый демократический опыт в период между мировыми войнами. В России такого опыта не было никогда, и мне кажется, что до сих пор там нет условий для демократии: сложившегося гражданского общества, независимых СМИ и суда. Люди там слишком мало читают газеты, но слишком много смотрят ТВ. В российском обществе сильно убеждение в важности человека, а не функции: если страну ведет настоящий лидер, организатор, то все будет хорошо. Печально, что даже чудовищная российская бюрократия не воспринимается большинством населения как проблема. Все говорят о коррупции, но ведь каждый бюрократический акт и провоцирует ее! В начале 90-х годов на меня произвели большое впечатление Борис Немцов, Ирина Хакамада, но их время, думаю, уже прошло. Сейчас есть Алексей Кудрин, хотя трудно сказать что-то о его шансах. Но сам факт, что из-за несогласия с финансовой политикой правительства, он вышел из него – заслуживает уважения. А вот насколько его взгляды получают поддержку общества, предсказать невозможно.

Многое проясняет не так давно проведенный в России опрос. Россиян спросили: в каком государстве вы хотите жить? В большом, которое боятся? Или в маленькой, но комфортной стране? И 70% граждан предпочли жить в большом государстве, чувствовать себя частью великой нации.

Многое проясняет не так давно проведенный в России опрос. Россиян спросили: в каком государстве вы хотите жить? В большом, которое боятся? Или в маленькой, но комфортной стране? И 70% граждан предпочли жить в большом государстве, чувствовать себя частью великой нации.

Были ли у Вас проблемы с публикациями в России?

До сих пор не было. В том, что я говорю и о чем пишу, нет каких-то особых откровений. Но вот парадокс: когда однажды в подобном ключе я критиковал Польшу – это была статья, посвященная сложным вопросам в отношениях России и Польши – именно реакция польского посольства была весьма болезненной. Они обиделись.

Как русист и полонист, какие проблемы становления Вы видите в молодых славянских странах Беларуси и Украине, расположенных между Россией и Польшей?

Это очень интересная тема. У меня есть проект, посвященный проблеме регионализма в Украине. Ее часто понимают так: есть «русский» восток и «украинский» запад. Мы же думаем, что проблема гораздо сложнее. Вообще, это

пока непаханая целина для славистики, зациклившейся на России. Беларусистики вообще не существует, да и об Украине пишут в немецкоязычном мире единицы. А ведь сквозь призму этих стран с небольшим опытом государственности мы бы лучше понимали и Россию.

Над чем сейчас работает Ульрих Шмид?

Совсем недавно закончил [статью для NZZ](#) о скандале с надписью «педофил», сделанной «борцами с педофилией» на стене музея В. Набокова в Петербурге. В ней я пишу о том, является ли на самом деле «Лолита» романом о педофилии, и о роли провокации эротизмом и порнографией в литературе. Интересно, что год тому назад в Петербурге приняли закон, запрещающий пропаганду гомосексуализма. И тогдашний президент Д. Медведев раскритиковал этот закон. Это еще раз показывает, что правительство в некоторых аспектах прогрессивнее и демократичнее российского общества.

Есть еще проект: организация истории украинской литературы. Он может стать фундаментом по «раскручиванию» украинских исследований на Западе. Также я работаю над книгой, в которой будет рассматриваться не только традиционная культура, но и кино, интернет-культура, рок-поп, а также экономические, политические и эстетические условия для их функционирования.

И еще я имею давний издательский проект – издание полного собрания сочинений Ивана Бунина на русском языке. Академического собрания этого замечательного русского писателя до сих пор нет. Проблема заключается в том, что его материалы разбросаны по Европе: России, Англии, Франции. И мы были бы рады найти спонсора для нашего проекта, поскольку считаем, что давно пора, наконец, вернуть Бунина России.

От редакции: *Поддержать такой проект было бы действительно благородным делом. Состоятельным россиянам, проживающим в Швейцарии и неравнодушным, как швейцарский профессор Ульрих Шмид, к нашему культурному наследию, мы оставим его контактный электронный адрес: ulrich.schmid@unisg.ch*

[Швейцария](#)
[памятники культуры](#)
[достопримечательности швейцарии](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ulrih-shmid-shveycarskiy-letopiseec-sovremennoy-rossii>